

М. В. Шкаровский

ТИХВИНСКИЙ БОГОРОДИЧНЫЙ УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Богородичный Успенский монастырь в Тихвине к 1917 г. был одной из самых значительных обителей Русской Православной Церкви. Уже через год после революции он испытал на себе антирелигиозные гонения со стороны советских властей. Последовали первые аресты монахов. Тяжелый удар по обители также нанесли кампания изъятия церковных ценностей и организованный властями обновленческий раскол. Однако благодаря самоотверженной деятельности его настоятеля епископа Тихвинского Антония (Демянского) монастырь сумел сохранить верность патриарху Тихону. Закрыт Успенский монастырь был осенью 1924 г., после насильственной передачи всех его действовавших храмов обновленцам и арестов некоторых монахов, в том числе настоятеля.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Тихвин, Богородичный Успенский монастырь, епископ Антоний (Демянский), советская власть, антирелигиозные гонения, изъятие церковных ценностей.

К 1917 г. Богородичный Успенский мужской монастырь в г. Тихвине Новгородской епархии был одной из самых значительных обителей Русской Православной Церкви. Всего он имел девять храмов, старейшим из которых был собор Успения Божией Матери, возведенный в 1507–1515 гг. и освященный 12 августа 1515 г. Братия монастыря насчитывала несколько десятков человек.

В Успенском соборе у входа на столпе находилась главная святыня монастыря — Тихвинская икона Божией Матери, прославленная многими чудотворениями. Здесь же пребывали чтимые древние иконы свт. Николая Чудотворца и Нерукотворенного Спаса. Празднества в честь икон происходили в Неделю Торжества православия, во вторник Светлой недели, 26 июня, 15 сентября и 1 февраля. Во все эти дни совершались крестные ходы, которые бывали и в другие дни (всего в обители в течение года устраивалось 22 крестных хода). В четверг Страстной недели совершался торжественный обряд омовения иконы.

У монастыря была довольно развитая инфраструктура, включавшая 18 построек различного назначения, в том числе кирпичные корпуса келий. В ризнице хранилось много старинных редких вещей. Монастырская библиотека насчитывала более 2000 книг духовного содержания. В обители имелись мужская и женская богадельни. В год монастырь посещало около 70 тысяч паломников [Православные русские обители, 1910, 135–136].

Настоятелем обители с 8(21) августа 1913 г. служил архим. Антоний (в миру Алексей Иванович Демянский, 1866 — около 1926). Он родился 15 мая 1866 г. в семье священника церкви с. Шедомицы Боровичского уезда Новгородской губернии, после окончания Новгородской духовной семинарии служил с 1888 г. псаломщиком, а с 1892 г. священником в одном из храмов г. Старая Русса. С начала 1913 г. о. Алексей был настоятелем Воскресенского собора в Старой Руссе в сане протоиерея. 11 июля 1913 г. он принял монашеский постриг с именем Антоний по рекомендации и благословению посетившего Новгород патриарха Антиохийского Григория IV, и в следующем

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (shkarovs@mail.ru).

месяце был назначен настоятелем Успенского монастыря с возведением в сан архимандрита. Отец Антоний был известен своими проповедями, несколько его слов опубликовали в «Новгородских Епархиальных ведомостях» [Еп. Антоний, 2001].

С первых дней Октябрьской революции стал завязываться трагический конфликт Церкви с новой властью. В декабре 1918 г. братии Тихвинской Успенской обители впервые пришлось испытать на себе антирелигиозные акции советских властей. В монастырь пришел отряд чекистов во главе с комиссаром И. Федоровым, который на основании постановления губернской Чрезвычайной комиссии провел серию обысков. В келье настоятеля — архим. Антония — были изъяты различные финансовые документы, в том числе приходно-расходная книга за 1918 г.; в помещении казначея реквизировали хранившиеся там рис, сахар, крупу и мыло. 14 декабря комиссар И. Федоров в присутствии представителя образованного в 1918 г. Комитета бедноты монастыря Ф. Образкова лично провел обыск в келье наместника иером. Клавдия (Вороница), но обнаружил лишь некоторые монастырские документы и частную переписку [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 52, 53, 57 об].

С начала 1919 г. стремление советских властей «поживиться» за счет имущества обителей особенно усилилось. 26 января был опубликован декрет Совета комиссаров Союза коммун Северной области о переходе с 1 февраля всех кладбищ (в том числе монастырских) в ведение Комиссариата внутренних дел. В это же время дело дошло до реквизиции капиталов Тихвинской Успенской обители. Первоначально, еще в декабре 1918 г., были изъяты процентные бумаги (билеты кредитных учреждений и т. д.) на сумму 75140 руб. [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 56]. Затем весь хранившийся в Госбанке капитал обители был перечислен в доход казны, а счет монастыря в банке аннулирован. Все расписки о приеме частных вкладов были проверены и конфискованы вместе с ценными бумагами. Монастырю оставили лишь небольшую сумму наличных денег.

Чтобы спасти церковь монастыря от закрытия и разграбления, верующие должны были образовывать «двадцатку», то есть подать заявление с приложением списка из 20 человек, желающих принять в свое пользование церковное имущество и здания, и зарегистрировать общину. С такой «двадцаткой» как с общественной организацией и заключался договор на аренду инвентаря и помещений. 13 апреля 1919 г. началась запись верующих, желающих вступить в приходскую общину при храмах монастыря, а также взять в свое ведение церковное имущество.

В тот же день, 13 апреля, был подписан договор (соглашение) с представителем Тихвинского уездного совета А. Светловым (заведующим бюро по отделению Церкви от государства) о принятии верующими в «бессрочное» и «бесплатное» пользование девяти храмов и двух часовен Успенского монастыря. При этом договор обязывал прихожан и монахов платить государству налоги, самим производить ремонт зданий, оплачивать отопление, освещение и т. п. Со стороны приходской общины храмов монастыря договор подписали 29 уполномоченных. 23 мая 1919 г. отдел юстиции Череповецкого губисполкома проверил заключенный договор и в тот же день предписал внести в него некоторые исправления, например фразу: «Причем договор этот Советом рабочих и крестьянских депутатов может быть расторгнут». 7 февраля 1920 г. отдел юстиции вторично сделал это предписание, и 22 февраля отдел управления Тихвинского уездного исполкома указал общине монастыря срочно внести исправления. В дальнейшем исправления были внесены, о чем отдел управления сообщил 24 ноября 1920 г. [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3, 28–30].

В мае 1919 г. в уездный совет была в первый раз представлена опись имущества всех храмов обители на 20 листах [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–25]. Передавая отчеты и различные сведения о монастырском хозяйстве органам советской власти, настоятель архим. Антоний фактически сдавал дела монастыря: после передачи документов потребовали и монастырскую печать. Здания монастыря были переданы в ведение уездного жилищного отдела. Ему указали срочно осмотреть все здания, произвести их оценку и сдать в аренду. Теперь насельники обители должны были

арендовать собственные здания. Отобрав у монастыря почти все имущество и деньги, власти, казалось, обрекали живущих в нем на голодную смерть, но монахи этих трудностей не испугались и не покинули родную обитель.

В апреле 1919 г. общее собрание верующих избрало церковно-приходской совет под председательством Ивана Николаевича Квашнина-Самарина. Сразу после общего собрания члены нового совета выбрали президиум и ревизионную комиссию, секретарем совета стал К. А. Харламов. Начавшаяся 13 апреля 1919 г. запись прихожан продолжалась и в дальнейшем. Так, 3 августа 1921 г., на запрос подотдела ЗАГСа уездного исполкома, приходской совет сообщил, что на тот момент в прихожанах было записано 3757 человек: 1471 мужчина и 2286 женщин [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 32–33].

Так начиналась новая жизнь обители при советской власти. Теперь для проведения любого собрания, крестного хода и т. п. необходимо было подать заявление в отдел управления, указать место, время, цель собрания и получить разрешение на его проведение. Архим. Антоний исполнял все предписания точно и безукоризненно, при этом он оставался человеком, не отказавшимся от веры, и при всех обстоятельствах считал себя настоятелем. Хотя в приходской совет действующих церковей входили прихожане, его основу составляли монахи. Они не представляли своей жизни без монастыря, не собирались никуда уходить и готовы были умереть в любимой обители. За существование своей обители монахам и прихожанам постоянно приходилось вести упорную борьбу.

Так, к лету 1919 г. угроза нависла над монастырской братской трапезной и Крестовоздвиженской церковью. 22 мая совет приходской общины при Богородичном Успенском монастыре на своем заседании, заслушав предложение старшего врача Тихвинского военного лазарета № 66 о передаче Крестовоздвиженской церкви и трапезной (составлявшей притвор Покровского храма) под нужды лазарета, постановил обратиться к гражданским и военным властям с предложением не забирать церковь, но согласиться на временное занятие трапезной с условием срочного освобождения после исчезновения надобности (вызванной событиями Гражданской войны). 27 мая приходской совет обратился в отдел управления уисполкома с просьбой оказать поддержку ходатайству об оставлении храмов монастыря для «обслуживания религиозных нужд верующих» [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 26–27].

Это ходатайство имело временный успех, однако уже вскоре, в начале 1920-х гг., были закрыты сразу пять монастырских церквей: Воздвижения Честного Креста Господня (1871–1877 гг. постройки), Двенадцати апостолов (возведена в середине XVII в., перестроена в 1877–1878 гг.), свт. Николая Чудотворца (перестроенная из башни монастырской ограды в 1798 г.), примыкавшая к зданию богадельни Скорбященская церковь (возведенная в 1802 г.) и домовый храм Вознесения Господня с приделом вмч. Феодора Стратилата над Западными воротами (устроен в 1591–1593 гг., перестроен в 1641 и 1770 гг.).

Следует упомянуть, что в первые послереволюционные годы в храмах монастыря часто служил будущий Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий (Симанский). Еще 28 марта 1913 г. последовал указ Святейшего Синода «о бытии» о. Алексию епископом Тихвинским, вторым (позднее первым) викарием Новгородской епархии. Хиротония была совершена 28 апреля в Софийском соборе Новгородского кремля патриархом Антиохийским Григорием IV в сослужении архиепископа Арсения (Стадницкого), епископов Никона (Рождественского), Евсевия (Гроздова), Иоанна (Дьякова) и Вениамина (Казанского). В 1913–1921 гг. еп. Алексий почти безвыездно находился в Новгородской епархии и фактически управлял ею. Это было связано с тем, что архиеп. Новгородский Арсений большую часть времени пребывал в Петербурге, участвуя в деятельности Государственного Совета, Святейшего Синода и синодальных учреждений, а позже, в 1917–1918 гг., – в работе Предсоборного Совета и в заседаниях Всероссийского Поместного Собора. Будучи заместителем председателя Новгородского церковно-археологического общества, учрежденного в 1913 г., еп. Алексий содействовал ремонту и реставрации церкви и монастырей, в том числе

Успенского в Тихвине. В Октябрьской революции еп. Алексей видел продолжение предшествующих революционных событий, он назвал это время в письме митр. Арсению от 28 октября 1917 г. «несчастнейшей полосой в жизни России» [Письма патр. Алексия, 2000. 81, 92].

В 1918 г. еп. Алексей был первый раз арестован. 3 апреля 1919 г. состоялось вскрытие местными советскими властями мощей в Софийском соборе, а в январе 1920 г. митр. Новгородский Арсений и еп. Алексей были арестованы ЧК. Им вменялось в вину совершение предварительного, без санкции органов власти, освидетельствования мощей. Спустя некоторое время оба архиерея были выпущены на свободу под поручительство. Пока шло следствие, им разрешалось совершать богослужения в храмах Новгорода, в отдельных случаях, по просьбам верующих и с санкции губернской ЧК, владыка Алексей выезжал для служения в храмах Тихвина. 1 ноября 1920 г. Новгородский ревтрибунал рассмотрел «дело», еп. Алексей и другие клирики были приговорены к различным срокам заключения в концлагере — от 2 до 5 лет. Все приговоренные тут же на основании первомайской (1920 г.) амнистии были освобождены от наказания. Спустя 2,5 месяца, в феврале 1921 г., Новгородский ревтрибунал заслушал т. н. дело Новгородского епархиального совета. На скамье подсудимых оказались 15 членов совета, среди них владыки Арсений и Алексей. Они обвинялись в том, что епархиальный совет присваивал себе судебные, розыскные, карательные, налоговые, организационные и хозяйственные функции, что приводило к «деорганизации гражданской жизни Новгородской губернии». Ревтрибунал приговорил всех обвиняемых к лишению свободы условно на сроки от 3 до 5 лет. Чтобы упредить возможные судебные преследования в отношении еп. Алексия, Святейший патриарх Тихон 21 февраля 1921 г. назначил его первым викарием Петроградской епархии с титулом епископа Ямбургского, и владыка Алексей переехал в Петроград [Шкаровский, 2012].

Под влиянием бесед с еп. Алексием в Тихвине решил принять монашеский постриг Сергей Яковлевич Сиверс (в будущем знаменитый московский старец иеросхимонах Сампсон). Происходил он из петербургской англиканской семьи, учился в Военно-медицинской Академии и был крещен в Православной Церкви в 1917 г. С 1918 г. Сиверс служил рядовым в Красной армии, в 1919 г. был тяжело ранен и около года лечился в Тихвинском лазарете (занимавшем часть помещений Успенского монастыря). Затем он работал заведующим гарнизонным клубом Тихвина, помимо владыки Алексия, несомненно, общался и с насельниками Богородичного монастыря, и в начале 1922 г. поступил послушником в Александро-Невскую лавру, где 25 марта того же года принял монашеский постриг с именем Симеон. В числе братьи Лавры о. Симеон оставался до ареста 17 февраля 1932 г. и отправки в Соловецкий лагерь особого назначения [Старец Сампсон, 1996, 15–17].

Несмотря на гонения, из Гражданской войны Русская Православная Церковь вышла в основе своей несокрушенной. Но уже вскоре после окончания боевых действий стали разрабатываться планы кардинального «решения» проблемы существования религиозных организаций в Советской России. Они по-прежнему расценивались как оппозиционная враждебная сила, к тому же располагавшая значительными материальными ценностями, которые предполагалось изъять. Ситуация, значительно облегчившая наступление на Церковь, сложилась вследствие страшного голода в Поволжье. На нужды голодающих предполагалось выделить меньшую часть конфискованных богатств Церкви.

Постепенно появились и планы произвести раскол, создать более покорную церковную организацию. В результате дискуссий в ЦК РКП(б) и СНК пришли к выводу, что руководство Православной Церковью в сжатые сроки должно взять в свои руки духовенство, абсолютно лояльное советской власти. Таким образом был организован так называемый обновленческий раскол в Церкви.

После первых сообщений о голоде в Поволжье Русская Православная Церковь сразу же откликнулась на эти события. Еще в 1921 г. она создала комитеты для оказания

помощи голодающим. Летом 1921 г. архим. Антоний (Демянский) вошел в состав президиума Тихвинского уездного комитета по оказанию помощи и был избран казначеем комитета. К 15 августа 1921 г. братья и прихожане Богородичного Успенского монастыря собрали и пожертвовали в помощь голодающим 1 млн рублей, а в октябре 1921 г. на счет уполномоченного Помгола от архим. Антония поступил церковный сбор в размере более 400 тысяч рублей [Еп. Антоний, 2001].

Однако, поняв, что подобная помощь лишь укрепляет авторитет Церкви, советское правительство резко ужесточило свою политику. Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 г. о немедленной конфискации местными советами всех драгоценных предметов, «изъятие коих не может существенным образом затронуть интересы самого культа» [Красная газета. 1922. 23 февраля], имевший явно антицерковную направленность, был полной неожиданностью для духовенства. На практике стала проводиться линия лишения Церкви наиболее почитаемых верующими святынь. В ответном послании Святейшего патриарха Московского и всея России Тихона от 28 февраля насильственное изъятие называлось святотатством, общинам возбранялась передача «священных предметов», но при этом они призывались к милосердию и щедрости в сборе других средств.

Весной 1922 г. началась кампания по изъятию церковных ценностей, самым непосредственным образом затронувшая Успенский монастырь. Стремясь избежать кровопролития, архим. Антоний обратился с воззванием к верующим и принял меры для предотвращения столкновений [Бовкало, Галкин, 1994].

Изъятие церковных ценностей в Успенском монастыре согласно соответствующим актам началось 18(31) марта. В этот день Тихвинская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей при поддержке вооруженных солдат, в присутствии архим. Антония и председателя приходского совета И. Н. Квашнина-Самарина, реквизировала и вывезла из храмов монастыря различные серебряные предметы общим весом 6 пудов 18 фунтов (около 100 килограммов), три митры, украшенные жемчугом и цветными камнями, и золотую лампаду весом 15 фунтов 12 золотников с 178 рубинами и 33 бриллиантами, пожертвованную обители в 1807 г. графом Шереметевым. 1 апреля были также изъяты пять Евангелий XIX века в серебряных позолоченных окладах, два серебряных позолоченных напрестольных креста и серебряная доска с иконописными украшениями, общим весом 30 фунтов [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 34–37].

21 марта (3 апреля) были изъяты: золотая риза с драгоценной святыни — чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери, весившая 21 фунт 38 золотников, серебряный шарнир, украшенный жемчугом и бриллиантами, а также большой изумруд, пожертвованный императрицей Анной Иоанновной в Успенский собор в 1734 г. [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 38]. При этом представители советских властей заставляли архим. Антония собственноручно снимать ризы со святынь. Пытались они воздействовать на настоятеля и по-иному, однако не преуспели ни в том, ни в другом.

В письме к митр. Новгородскому Арсению (Стадницкому) от 21 марта (3 апреля) 1922 г. архим. Антоний так описал эти трагические события: «...За грехи наши совершилось ужасное! Риза с Чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери сегодня, 21 марта, увезена... 15 марта (по ст. ст.) неожиданно в обитель прибыли вооруженные солдаты, и вход и выход были заграждены. Вызваны были я и избранные от верующих в собор, куда прибыла местная власть, которая объявила, что приступает к изъятию церковных ценностей. Наскоро осмотрели весь собор и ризницу и приступили, по исполнению формальностей (избрания секретаря, просмотра полномочий и т. д.), к изъятию: 1. Золотой лампы у чудотворной иконы Божией Матери с драгоценными камнями; 2. Серебряных решеток у иконы — 3 пуда, серебряного подсвечника — 3 пуда серебра.

Все запечатали и увезли в уездный Финотдел. 16 марта занялись проверкой церковного имущества. Причем было предложено ограничиться изъятием лишь намеченного верующими, в связи с чем изъятие было прервано на двое суток, до 19 числа. 17 марта верующие произвели выбор вещей и проч. Но 18 марта из Череповца

прибыли представители, председатель и вызвали всех экстренно и при острых речах в соборе порешили снять ризу с Чудотворной иконы Старорусской и облачение с главного престола и предложили мне приступить к снятию ризы с Чудотворной иконы. Я заявил, что не согласен на снятие ризы со всех икон, пред которыми верующие молятся, в частности, с Чудотворной иконы — это будет оскорблением моего религиозного чувства, религиозного чувства массы верующих, и что физически и морально я не могу сделать это сам, не могу заставить и других. Это признали контрреволюцией. Я возразил, что дело это не политическое, а дело веры, и контрреволюции здесь нет, а есть защита веры, религиозных убеждений.

Верующие заявили, что ими послано заявление в Москву (М. И. Калинин) об оставлении ризы на иконах и просили на двое суток отложить изъятие. Просьба была уважена. Но в воскресенье пришел от Калинина отказ. И вот сегодня, 21 марта в 1 час дня, открыли заседание при вводе войска и удалении сторонних из обители, заслушали отказ, заслушали протесты верующих с постановлением предать суду всех подписавшихся под протестом и принудили представителей верующих и ризничего снять ризу. Пошло с болезнью, скорбью и слезами: отслужили молебен, сняли и выдали ризу. Мое здоровье не позволило дальше зреть, и я не знаю, что было.

Завтра, на 22 марта, назначено снятие ризы со Старорусской иконы и облачения с главного престола — а далее, не знаю уже что. Очевидно, все уберут. За несколько дней один раз меня ночью вызывали в ГПУ, где предъявили многое и спрашивали, как я буду относиться [к изъятию]. Я объявил, что против вещей ненужных не буду возражать, а за главное — буду. Заставили подпиской о прочем не говорить. Второй раз вызвали накануне изъятия — вынуждали подписать воззвание к верующим, объяснить, как я буду относиться к изъятию. Я заявил, что „так же, как при первом вызове“, и мне объявили, что тогда меня не выпустят. Я сказал: „Что хотите со мной делайте, а я таким был, есть и буду“. Но почему-то выпустили при подписке никому ничего не говорить. Едва ли где происходит то, что здесь. Не знаю, смогу ли я дальше существовать? Прости, дорогой Владыка, прости и благослови! Грешный архимандрит Антоний, 21 марта, полночь» [Письмо архим. Антония].

На следующий день — 4 апреля — были изъяты: серебряные позолоченные одежды (риза) с престола Успенского собора и серебряная позолоченная лампада, общим весом 6 пудов 40 фунтов. 5 апреля из монастырской ризницы вывезли 62 серебряных предмета: ризы, потиры, звезды, дарохранительницы, диски и т. д., а из собора и церквей — три серебряные ризы, пять лампад и бриллиантовый крест с чтимой иконы Нерукотворенного Спаса. 6 апреля из Успенского собора были изъяты: две серебряные ризы, три лампады и восемь драгоценных украшений с Тихвинской иконы Божией Матери, в том числе бирюза, бриллианты и т. п. [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 39–43].

Однако на этом ограбление монастыря не прекратилось. 6 мая в присутствии ризничего иером. Феодосия (Клинковского) и председателя приходского совета И. Н. Квашнина-Самарина были изъяты 12 серебряных риз, 31 серебряная лампада общим весом 4 пуда 21 фунт и 27 бриллиантов, а 16 мая — 13 серебряных риз, 33 других серебряных предмета и серебряный венец с Тихвинской иконы Божией Матери из церкви «на Крыльчке», украшенный драгоценными камнями, общим весом 4 пуда 24 фунта [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 44, 51].

Часть ценностей верующие выкупили. Между настоятелем и Тихвинской комиссией по изъятию церковных ценностей было подписано соглашение о том, что он представит список предметов церковного обихода, которые приходской совет считает необходимым выкупить, после чего они будут в течение недели заменены равными по весу изделиями из драгоценных металлов. 16 мая прихожане внесли значительное количество пожертвованных ими драгоценных предметов (в основном серебряных столовых приборов), а также серебряных монет на 4815 рублей взамен оставленной утвари, в частности девяти лампад и ризы с чтимой Смоленской иконы

Божией Матери, принятой ранее из закрытого Антоние-Дымского монастыря [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 45].

Таким образом, всего из Успенского монастыря было вывезено и в основном переплавлено различных церковных предметов общим весом более 20 кг золота и около 500 кг серебра, а также значительное количество драгоценных камней. Из них, как теперь известно из архивных документов, лишь небольшая часть действительно пошла на нужды голодающих Поволжья. Изъятие ценностей в Успенском монастыре прошло без открытых столкновений с властями, а что при этом творилось в душах прихожан и монахов, хорошо свидетельствует приведенное выше письмо архим. Антония.

Так как верующие все-таки выражали свое недовольство изъятием, органы ГПУ попытались сфабриковать дело. В частности, в 1922 г. был привлечен к суду по обвинению в участии в антисоветском выступлении иеродиакон Тихон (в миру Василий Никандрович Зорин). Он родился 28 января 1893 г. в с. Пупково Вогнемской волости Кирилловского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье, окончил двухклассное училище в г. Кириллове и в 1911 г. поступил послушником в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1914 г. В. Н. Зорин перешел в Успенский Тихвинский монастырь, где в 1920 г. был пострижен в монашество с именем Тихон и рукоположен в иеродиакона. Обвинения в его адрес оказались несостоятельными, и о. Тихон был оправдан [АУ ФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-77246].

Частично реализовав первую цель антицерковной кампании, власти попытались осуществить и вторую. 12 мая началась организованная советским руководством «революция» в Церкви, породившая ее раскол, смуту среди духовенства и верующих. По свидетельству «отца» обновленчества прот. Александра Введенского, к расколу были непосредственно причастны председатель Коминтерна и Петроградского совета Г. Е. Зиновьев и уполномоченный ГПУ по делам религии Е. А. Тучков. После ареста Святейшего патриарха Тихона, 19 мая 1922 г. началось функционирование обновленческого Высшего церковного управления (ВЦУ), при активной поддержке советских властей временно захватившего руководство в Церкви.

Вскоре после захвата церковной власти в Череповецкой губернии (куда в тот период входил г. Тихвин) сформированное обновленцами епархиальное управление отправило благочинному Тихвина указание: прекратить при богослужении поминовение патриарха Тихона, все перемещения и назначения священно- и церковнослужителей проводить исключительно через епархиальное управление, на содержание которого представить за первое полугодие 1922 г. 10 % сбора с валового церковного дохода. Благочинный переслал этот циркуляр архим. Антонию для исполнения. Однако приходской совет храмов Успенского монастыря при участии настоятеля, не желая подчиняться обновленцам, постановил воздержаться от проведения в жизнь циркуляра до получения разъяснений и распоряжений гражданской власти. Отказавшись признать обновленческое епархиальное управление, архим. Антоний первоначально удержал от уклонения в раскол почти весь клир Тихвинского уезда. В это смутное время о. Антонию пришлось приложить много усилий в борьбе с захватившими руководство в епархии обновленцами [Еп. Антоний, 2001]. Однако в начале 1923 г. храмы Успенской обители при поддержке советских властей были все-таки частично захвачены обновленцами, при этом прежний приходской совет фактически прекратил существование.

27 июня 1923 г. был освобожден из-под ареста Святейший патриарх Тихон, после чего началось быстрое падение влияния обновленцев. При этом, как только появилась легальная возможность — в середине июня 1923 г. (еще до освобождения патр. Тихона), исключительно по собственной инициативе, архим. Антоний организовал общину «Древнеканонической Церкви при Большом Тихвинском монастыре», не признававшую обновленческое епархиальное управление. 17 июня состоялось учредительное собрание общины, которое открыл прежний председатель приходского совета И. Н. Квашнин-Самарин. На собрании был принят устав общины, выбраны 30 уполномоченных, 10 кандидатов для этой должности, председатель общины — служащий

конторы Гублеса И. И. Астратов, и товарищ председателя Н. И. Немилов [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 84].

Через несколько дней после проведения собрания члены общины послали в отдел управления Череповецкого губисполкома требуемые для ее регистрации документы: устав, список учредителей (в который записалось 622 человека), инвентарную опись (от июня 1923 г.), протокол учредительного собрания, списки уполномоченных, членов президиума и священнослужителей общины. Из 30 уполномоченных четверо были монашествующими, а из семи членов президиума — двое: архим. Антоний и товарищ председателя, казначей общины иером. Алексей (Разумеев) [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 77, 81–106].

Список священнослужителей состоял из 19 человек: архим. Антоний, иеромонахи Алексей (Разумеев), Феодосий (Клинковский), Антоний (Толгисадов), Валериан (Ежов), Макарий (Карташев), Савва (Смирнов), Симон (Ильин), Арсений (Дмитриев), Клавдий (Воронин), Серафим (Ковалевский), Иона (Егоров), Пимен (Бутылкин), иеродиаконы Сергей (Талицкий), Владимир (Лухин), Гермоген (Иванов), Иоанникий (Ремезов), Варсонофий (Лебедев) и Тихон (Зорин) [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 74–75]. Общее число насельников монастыря, считая не имевших священного сана монахов и послушников, тогда еще превышало 30 человек. При этом некоторые монахи уже покинули монастырь.

Ходатайство имело успех, община «Древнеканонической Церкви при Большом Тихвинском монастыре» была зарегистрирована и начала официальное существование. Однако в ее пользование передали лишь три храма: Успенский собор, Покровскую церковь и храм, посвященный Тихвинской иконе Божией Матери и именуемый в народе «Крылечко». Он появился в 1791 г. и в 1860–1865 гг. был перестроен известным петербургским архитектором Н. Л. Бенуа.

Через несколько месяцев состоялась архиерейская хиротония архим. Антония. 11 ноября 1923 г. свт. Тихоном, патриархом Московским и всея России, он был хиротонисан в Покровском храме Москвы во епископа Тихвинского, викария Новгородской епархии.

К 1924 г. Успенская обитель оказалась в значительной степени разгромленной. Монастырское хозяйство было передано Тихвинскому совхозу, многие храмы опечатаны, монастырь как юридическое лицо прекратил свое существование. В 1923 г. была также закрыта монастырская часовня Тихвинской иконы Божией Матери у железнодорожного вокзала (построенная в 1904 г.), а ее имущество передано общине монастыря. На территории обители действовали всего лишь три храма, да и то лишь не как монастырские, а как приходские. Оставшиеся монахи во главе с еп. Антонием совершали богослужение в них и находились в ожидании окончательного изгнания. Однако владыка Антоний, видя, как постепенно в результате антирелигиозных гонений сходит на нет жизнь обители, не сдавался и продолжал предпринимать шаги для поддержания деятельности монастыря. До последнего дня существования обители еп. Антоний оставался на посту настоятеля и пережил все горестные этапы ее ликвидации.

Весной 1924 г. община при монастыре вновь послала в отдел управления Череповецкого губисполкома документы для ее перерегистрации: устав, списки учредителей, уполномоченных (29 человек), членов президиума и священнослужителей (19 человек). В президиум входили: председатель общины земледелец Павел Дмитриевич Колесов, товарищ председателя и казначей служащий лесной конторы Павел Иванович Докучаев и четыре члена, в том числе настоятель еп. Антоний и игум. Алексей (Разумеев) — он родился в 1881 г. в семье крестьянина Данилы Разумеева и ранее был военным [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 107–109].

В 1923–1924 гг. Богородичная Успенская обитель оставалась единственным оплотом православия в Тихвине, так как все остальные городские храмы были к тому времени захвачены обновленцами. Однако в конце лета 1924 г. советские власти передали раскольникам Успенский собор и Покровскую церковь, а в самом начале сентября

Череповецкий губисполком принял решение о передаче обновленцам последней монастырской церкви Московского Патриархата — Тихвинской иконы Божией Матери, именуемой «Крылечко».

2–3 сентября 1924 г. представители административного отдела губисполкома опечатали храм и известили еп. Антония о роспуске и ликвидации возглавляемой им православной общины при монастыре. Все это производилось без предварительного уведомления и без указания причин закрытия. В то же время советские власти не давали разрешения православным на проведение собрания для обсуждения создавшегося положения и для выработки дальнейшей программы действий. Самое оскорбительное для православного населения города заключалось в том, что величайшая святыня — Тихвинская икона Пресвятой Богородицы, отдавалась обновленцам — осквернителям православной веры.

Через две недели владыка Антоний был арестован. Поводом к аресту епископа послужил инцидент, происшедший в обители 11 сентября. В этот день в монастырь прибыла группа обновленцев во главе со священниками Леонидом Борисовым и Мальцевым с целью захвата церкви «Крылечко». Однако занять храм из-за сопротивления верующих им не удалось. В заявлении в ГПУ свящ. Леонида Борисова говорилось: «В какой-нибудь час собралась толпа (от 400 до 500 человек). Эта толпа, ничего не разбирая, набрасывалась и била... До сего времени не могу успокоиться, да и многие из вновь организованной общины дрожат за свою шкуру, а агитация о еретичестве нашей общины продолжается» [АУ ФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-77246].

Возмущение людей действиями советских властей и обновленцев было так сильно, что разогнать собравшихся удалось только силами воинских частей Тихвинского гарнизона. Сопротивление верующих 11 сентября было названо властями «подготовленным собранием к[онтр]р[еволюционного] характера», которое якобы организовал еп. Антоний. Вместе с владыкой были арестованы и проходили по одному с ним делу еще несколько тихвинских горожан знатного происхождения, некоторые из них были членами президиума или уполномоченными православной общины при Тихвинском монастыре: торговец И. М. Аплонов, бывший офицер А. С. Рымарев, дворянка А. Н. Андаурова, княжна А. Н. Мышецкая. Следствие по этому сфабрикованному делу велось более полугода — до лета 1925 г.

Еп. Антоний был обвинен как «вдохновитель к[онтр]р[еволюционного] восстания против передачи церкви „Крылечко“ обновленческой общине, организатор к[онтр]р[еволюционной] церковной группы», занимавшийся антисоветской агитацией. Протоколы допросов свидетельствуют о мужественной борьбе настоятеля за монастырь в тот момент, когда все попытки отстоять обитель уже были обречены. На первом допросе (как и в дальнейшем) владыка категорически отрицал все обвинения в контрреволюционной деятельности: «Для меня случившийся инцидент был полной неожиданностью, и я в нем никакого участия не принимал. Если бы я знал, что так может произойти, то, несомненно, принял бы зависящие от меня меры к недопущению его. Поступком же граждан (владыка имел в виду побои, нанесенные толпой обновленческим священникам. — М. Ш.), скорблю и глубоко его осуждаю». Еп. Антоний убедительно доказывал и настаивал на том, что все случившееся имело стихийный характер и что «чьего-либо организованного влияния здесь не было» [АУ ФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-77246].

На втором допросе, 11 дней спустя, еп. Антоний опять опроверг все возводимые на него обвинения в организации беспорядков. На третьем, последнем допросе, который состоялся через полтора месяца, владыка вообще отказался давать какие-либо показания и вновь категорически отверг все возводимые на него обвинения: «По сему обвинению имею высказать много, так как оно несправедливо, но по состоянию здоровья и другим причинам не имею возможности это сделать». Все остальные проходившие по делу виновными себя также не признали. 19 июня 1925 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило их к трем годам концлагерей, но владыка Антоний не смог отправиться в места лишения свободы:

врачебно-контрольная комиссия признала его здоровье настолько пошатнувшимся, что возбудила несколько ходатайств об изменении меры наказания [АУ ФСБ РФ по СПб и ЛО. Д. П-77246].

Поэтому епископу, в связи с плохим состоянием здоровья, заменили три года концлагерей на ссылку на тот же срок. Отбывать ссылку он был отправлен в село Передки Боровичского уезда Новгородской губернии. В церкви этого села служил родной брат владыки Антония священник Павел Демянский (расстрелянный органами НКВД в январе 1938 г.), у которого к осени 1925 г. и поселился опальный больной архиерей. Здесь он и скончался, предположительно, в 1926 г. Точное время и обстоятельства кончины владыки неизвестны [Еп. Антоний, 2001]. Все осужденные по делу Тихвинского монастыря были полностью реабилитированы прокуратурой Ленинградской области в 1999 г.

Несмотря на арест еп. Антония, верующие тихвинцы все-таки провели 26 сентября 1924 г. в Спасо-Преображенском соборе учредительное собрание новой православной общины при Успенском монастыре, на котором выбрали 20 членов совета уполномоченных и 10 кандидатов на эту должность. Собравшиеся решили просить у властей передать им для совершения богослужений холодный Успенский собор и теплый Покровский храм, а если последний не дадут — просить Крестовоздвиженскую церковь с переносом древностей из нее в храм Двенадцати апостолов. Собрание также постановило объявить сбор добровольных пожертвований на содержание причта и поручить уполномоченным принять заявления от священнослужителей бывшего монастыря, причем подсудимых, состоящих под следствием (в соответствии с советскими законами) и записавшихся в обновленцы не принимать [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 112–113].

В тот же день состоялось совещание уполномоченных, на котором выбрали председателя (пенсионера Михаила Васильевича Пшевского), товарища председателя, казначея и секретаря. В список священнослужителей общины уже вошло не 19, как ранее, а всего 11 человек: иеромонахи Валериан (Ежов), Савва (Смирнов), Симон (Ильин), Серафим (Ковалевский), Иона (Егоров), Сергей (Талицкий), Пимен (Бутылкин), Антоний (Полисадов), иеродиакон Гермоген (Иванов), Иоанникий (Ремезов) и Тихон (Зорин). В список же учредителей записались 743 человека [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 114–141].

26 сентября община при Успенском монастыре отправила необходимые документы в административный отдел Череповецкого губисполкома и в своем заявлении ходатайствовала о регистрации и передаче в ее пользование холодного Успенского собора и зимнего теплого Покровского храма, которыми предыдущая такая же (то есть Московского Патриархата) община пользовалась и ремонтировала на свои средства почти восемь лет. В заявлении отмечалось, что созданная в Тихвине обновленческая община по числу членов «весьма незначительна», а в настоящее время пользуется двумя теплыми храмами — Покровским и «Крылечко». Во вновь же созданную общину уже входит 750 человек, между тем запись продолжается, и число членов, вероятно, достигнет тысячи [ЦГА СПб. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5. Л. 110].

Однако новая «тихоновская» община зарегистрирована не была. Все три еще действовавших храма монастыря остались в руках обновленцев, причем в конце 1929 г. была закрыта прежняя трапезная церковь Покрова Пресвятой Богородицы (построена в 1581–1583 гг.; перестраивалась в 1623, 1770 и 1871–1876 гг.), с приделами Воздвижения (1817 г.; в 1871 г. — вмц. Варвары) и Старорусской иконы Божией Матери (1817 г.). Таким образом, осенью 1924 г. Богородичный Успенский монастырь разделил участь большинства православных обителей — он был закрыт, при этом значительная часть его насельников покинула Тихвин.

Источники и литература

1. АУ ФСБ РФ по СПб и ЛО — Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П-77246.
2. Бовкало, Галкин (1994) — Бовкало А., Галкин А. Отец Антоний, епископ Тихвинский // Воскресение. Тихвин, 1994. № 2 (8). С. 5.
3. Еп. Антоний (2001) — Антоний (Демянский), еп. Тихвинский // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 626.
4. Красная газета — Красная газета. 1922. 23 февраля.
5. Письма патр. Алексия (2000) — Письма Патриарха Алексия своему духовнику. М., 2000.
6. Письмо архим. Антония — URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/no_dbpath/koi/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu*fS8ifOWd60W2dOnjfs4ee8YUU8iZei4ZeG06ce0hfe8ctmY*_pnl (дата обращения: 28.10.2018).
7. Православные русские обители (1910) — Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне / Сост. П. П. Сойкин. СПб., 1910.
8. Старец Сампсон (1996) — Старец иеросхимонах Сампсон. М., 1996.
9. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 8059. Оп. 1. Д. 5.
10. Шкаровский (2012) — Шкаровский М. В. Свято-Троицкая Александро-Невская лавра: 1913–2013: в 2 т. СПб., 2012. Т. 1.

Mikhail Shkarovsky. The Tikhvin Our Lady Dormition Monastery in the Early Years After the Revolution.

Abstract: The Our Lady Dormition monastery in Tikhvin to 1917 was one of the most significant monasteries of the Russian Orthodox Church. A year after the revolution, it experienced some anti-religious persecution by the Soviet authorities during which the first arrests of the monks occurred. A heavy blow was caused also by the launched campaign of withdrawal of Church values and the Renovatianist schism organized by the authorities. However, thanks to the selfless activities of its rector Bishop of Tikhvin Antony (Demyanskiy), the monastery had managed to remain faithful to Patriarch Tikhon. The Dormition monastery was closed in autumn 1924, after the forced transfer of all temples of the revivalists and the arrests of some monks, including the Abbot.

Keywords: Russian Orthodox Church, Tikhvin, Our Lady Dormition monastery, Bishop Antony (Demyanskiy), Soviet power, anti-religious persecution, confiscation of Church property.

Mikhail Vitalyevich Shkarovsky — Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the Central State Archives of St. Petersburg, Professor at St. Petersburg Theological Academy (shkarovs@mail.ru).

Sources and References

1. АУ ФСБ РФ по СПб и ЛО — Архив Управления Federal'noy sluzhby bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii po Sankt-Peterburgu i Leningradskoy oblasti [Archive of the Office of the Federal Security Service of the Russian Federation in St. Petersburg and the Leningrad Region]. File П-77246. (In Russian).
2. Bovkalo, Galkin (1994) — Bovkalo A., Galkin A. Otets Antoniy, episkop Tikhvinskiy [Father Antony, Bishop of Tikhvin] *Voskreseniye*. Tikhvin, 1994, no. 2 (8), p. 5. (In Russian).

3. Ep. Antoniy (2001) — Antoniy (Demyanskiy), ep. Tikhvinskiy [Antoniy (Demyansky), bishop of Tikhvin]. *Pravoslavnaya Entsiklopediya* [*Orthodox encyclopedia*]. Moscow, 2001, vol. 2, p. 626. (In Russian).
4. Krasnaya gazeta — *Krasnaya gazeta*, 1922, Feb., 23. (In Russian).
5. Pis'ma patr. Aleksiya (2000) — *Pis'ma Patriarkha Aleksiya svoemu dukhovniku* [*Letters of Patriarch Alexey to his confessor*]. Moscow, 2000. (In Russian).
6. Pis'mo arkhim. Antoniya — [A letter of archimandrite Antoniy] Available at: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/no_dbpath/koi/nm/?HYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6Xbu*fS8ifOWd60W2dOnjfS4ee8YUU8iZei4ZeG06ce0hfe8ctmY*_pnl (accessed: 28.10.2018). (In Russian).
7. Pravoslavnyye russkiye obiteli (1910) — Pravoslavnyye russkiye obiteli. Polnoye illyustrirovannoye opisaniye pravoslavnykh russkikh monastyrey v Rossiyskoy imperii i na Afone [Orthodox Russian monasteries. Full illustrated description of Orthodox Russian monasteries in the Russian Empire and on Mt. Athos]. Comp. by P.P. Soykin. Saint Petersburg, 1910. (In Russian).
8. Starets Sampson (1996) — Starets iyeroskhimonakh Sampson [Elder hieromonk Sampson]. Moscow, 1996. (In Russian).
9. TsGA SPb — Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Archive of St. Petersburg]. Fund 8059. Inv. 1. File 5. (In Russian).
10. Shkarovskiy (2012) — Shkarovskiy M. V. Svyato-Troitskaya Aleksandro-Nevsckaya lavra: 1913–2013: v 2 t. [*Holy Trinity Alexander Nevsky Monastery: 1913–2013: in 2 vols.*]. Saint Petersburg, 2012, vol. 1. (In Russian).